

© 2025. Елена Зайцева

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
Луганск, Россия

Рецепция «Преступления и наказания» в творчестве В.В. Набокова

© 2025. Elena V. Zaitseva

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Lugansk State
Pedagogical University, Lugansk, Russia

The Reception of *Crime and Punishment* in the Works of Vladimir Nabokov

Информация об авторе: Елена Владимировна Зайцева, старший преподаватель кафедры русской и мировой литературы, ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», ул. Оборонная, д. 2, 291011 г. Луганск, Россия.

<https://orcid.org/0009-0008-2584-7634>

E-mail: slavina23@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается присутствие Ф.М. Достоевского в романах В.В. Набокова, выявляются «точки пересечения» художественного мира автора «Лолиты» с творчеством классика, в частности, исследуются особенности рецепции «Преступления и наказания» в романах «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Отчаяние». Отношение В.В. Набокова к творчеству Ф.М. Достоевского неоднозначно и требует внимательного и глубокого анализа. При этом опираться следует на его художественное творчество, в котором можно уловить отголоски истинного отношения. В «Защите Лужина» художественный мир В.В. Набокова «пересекается» с творчеством Ф.М. Достоевского как минимум в трех плоскостях (тема игры, психиатрия как источник поэтики и образы героев). Роман можно считать полемичным и пародийным, но все же «про-достоевским», а если обратиться к истокам пародии, то можно предположить, что интертекст является проявлением скрытой симпатии В.В. Набокова к поэтике Ф.М. Достоевского. Роман «Приглашение на казнь», который полон отсылок к Ф.М. Достоевскому, наиболее ярко, по мнению исследователей, иллюстрирует метод фантастического реализма, истоки которого следует искать

у Ф.М. Достоевского, а тема преступления и наказания в нем как бы перевёрнута. «Усмешечка из Достоевского» мелькает и в романе В.В. Набокова «Лолита». Пародийное передразнивание, игра «в Ф.М. Достоевского» превращают «Лолиту» в трагедийно перевернутое «Преступление и наказание». В романе В.В. Набокова «Отчаяние» мрачному мыслителю и «неврастенику» Раскольникову противопоставляется лжемыслитель и «невротический негодяй» Герман Карлович, которого можно назвать пародийно-сниженной трансформацией Раскольникова, его «гнусной мимикрией». Трансформации подвергаются и другие персонажи «Преступления и наказания». Очевидно, что, несмотря на декларируемое неприятие, В.В. Набоков все же находился в «плёну» творческого влияния знаменитого предшественника. Писатель разворачивает в своем творчестве обширную полемику с классиком. Фигура Ф.М. Достоевского, образы, темы и мотивы его произведений по-разному проявляются в произведениях В.В. Набокова: как персонажи, как пародии, как загадка или игра с читателем.

Ключевые слова: Достоевский, Набоков, анализ, игра, творчество, эстетика, «Преступление и наказание».

Для цитирования: Зайцева Е.В. Рецепция «Преступления и наказания» в творчестве В.В. Набокова // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 1 (29). С. 244–265. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-244-265>

Information about the author: Elena V. Zaitseva, Senior lecturer of the Department of Russian and World Literature, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Lugansk State Pedagogical University, Oboronnaya St., 2, 291011 Lugansk, Russia.

<https://orcid.org/0009-0008-2584-7634>

E-mail: slavina23@yandex.ru

Abstract: The article examines the presence of Fyodor Dostoevsky in the novels of Vladimir Nabokov. The points of intersection of the artistic world of the author of *Lolita* with Dostoevsky's works are identified; the peculiarities of the reception of *Crime and Punishment* in the novels *The Defense of Luzhin*, *Invitation to Execution*, *Despair* are explored. The attitude of Vladimir Nabokov to the works of Fyodor Dostoevsky is ambiguous and requires careful and deep analysis. At the same time, one should rely not on the writer's loud statements, given his love of hoaxes and penchant for shocking, but on his artistic creativity, in which one can catch echoes of his true attitude. In *The Defense of Luzhin* Nabokov's artistic world "intersects" with the work of Fyodor Dostoevsky on three levels at least (the themes of the game, psychiatry as a source of poetics, and images of heroes). The novel can be considered polemical and parodic, but still "pro-Dostoevsky." If we turn to the origins of the parody and consider that initially everything that was most sacred was parodied, then we can assume that the intertext is a manifestation of Nabokov's hidden sympathy to the poetics of F.M. Dostoevsky. The novel *Invitation to Execution*, which is full of references to Dostoevsky, most clearly, according to researchers, illustrates the method of fantastic realism, the origins of which should be found in Dostoevsky, and the theme of crime and punishment in it is, as it were, inverted. "A grin from Dostoevsky" also appears in the novel *Lolita*. Parody mimicking, playing "in Dostoevsky" turn *Lolita* into a travesty-inverted *Crime and Punishment*. In the novel *Despair* Nabokov contrasts the

gloomy thinker and “neurasthenic” Raskolnikov with the false thinker and “neurotic scoundrel” German Karlovich, who can be called a parodic-reduced transformation of Raskolnikov, his “vile mimicry.” Other characters in *Crime and Punishment* also undergo transformation. It is obvious that, despite the declared rejection, Nabokov was still captivated by the creative influence of his famous predecessor. The writer develops an extensive polemic with the classic in his work. The figure of Dostoevsky, images, themes and motifs of his works are manifested in different ways in Nabokov’s works: as characters, as parodies, as a riddle or a game with the reader.

Keywords: Dostoevsky, Nabokov, analysis, play, creativity, aesthetics, *Crime and Punishment*.

For citation: Zaitseva, E.V. “The Reception of *Crime and Punishment* in the Works of Vladimir Nabokov.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (29), 2025, pp. 244–265. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-244-265>

Исследователями давно было замечено «неравнодушие» В.В. Набокова к Ф.М. Достоевскому, которое проявлялось в негативных высказываниях о писателе в интервью, попытке доказать «второсортность» автора в «Лекциях по русской литературе», «переписывании» мастера и своеобразной «игре в Достоевского» в собственных романах. Причины такого отношения (демонстрируемой неприязни или тщательно скрываемой симпатии?) до сих пор остаются загадкой и основанием для литературоведческих споров и дискуссий. Изучение всей научной литературы по проблеме может составить отдельное исследование. Коротко остановимся на некоторых работах. Ряд авторов, вторя В.В. Набокову, отрицают влияние Ф.М. Достоевского или же подчеркивают принципиальную несхожесть писателей (Б. Бойд, К.Р. Проффер и пр.), другие же видят продуктивное влияние классика на мировоззрение и творчество В.В. Набокова (А.В. Злочевская, Н.Л. Таганова, А.А. Долинин и др.). Карнавальная, травестийная, пародийная интонация в восприятии В.В. Набоковым Ф.М. Достоевского отмечается многими исследователями (А.А. Долинин, С.С. Давыдов, А.В. Млечко и др.).

В некоторых общих монографических работах, посвящённых обзору жизни и творчества писателя (книги Б. Бойда, Б.Н. Носика, А.М. Зверева и др.), отмечается радикальный разрыв с творчеством классика или же пренебрежительное отношение В.В. Набокова к Ф.М. Достоевскому. По мнению Б. Бойда, В.В. Набоков, отрицая возможность духовного перерождения с помощью страдания, окончательно отдаляется от Ф.М. Достоевского, для которого очиститель-

тельная сила страдания — основа философской концепции человека [Бойд, 2010]. З.А. Шаховская считает, что В.В. Набокову как будто «тесно» рядом с Ф.М. Достоевским, будто он боится, что то, что их различает, даст повод для поиска того, что «позволяет их сравнивать» [Шаховская, 1991, с. 73]. А любое сравнение В.В. Набоков категорически не принимал. А.М. Зверев предполагает, что за пренебрежением и резкостью В.В. Набокова скрывается «невозможность избавиться от магии Достоевского» [Зверев, 2016, с. 189]. Основные претензии В.В. Набокова к Ф.М. Достоевскому исследователь видит в отсутствии эстетического наслаждения от прочтения книг классика. А также в том, что для В.В. Набокова Ф.М. Достоевский является олицетворением «литературы Больших Идей». А.М. Зверев отмечает неприятие не самой эстетики или поэтики Ф.М. Достоевского, а той роли «пророка», которую приписали Ф.М. Достоевскому критики, и создания моды на ценности, которые самому В.В. Набокову были чужды. Находки же Ф.М. Достоевского в области образности, мотивов, структуры повествования, по мнению исследователя, В.В. Набоков активно использует во всех своих произведениях, начиная с «Отчаяния». Важность влияния поэтики ранней прозы Ф.М. Достоевского на набоковское творчество обосновала Е.В. Егорова. Исследовательницей были обнаружены сближения творчества В.В. Набокова с ранней поэтикой Ф.М. Достоевского на уровне образов, сюжетов, нарративных приёмов: наличие повествователей-хроникёров и персонажей-сочинителей, обилие детективных сюжетов, внимание к подверженным разрушительным страстям героям-преступникам и их «пороговому состоянию», внимание к проблеме урбанизма, разработка темы «ставрогинского греха», интерес к поэтике психологизма, тема двойничества [Егорова, 2012]. Литературовед настаивает на сознательности рецепции В.В. Набоковым ранней поэтики Ф.М. Достоевского с целью соперничества с классиком, а также установкой на формирование игровой поэтики, которая рождалась из этого соперничества (потенциально внимательный читатель мог радоваться, «угадывая» в произведениях В.В. Набокова отзвуки творчества Ф.М. Достоевского). Впрочем, Е.В. Егорова допускает возможность бессознательности некоторых «схождений». В исследовании имплицитно намечается особенность формирующейся поэтики позднего В.В. Набокова — ориентация на «демонтаж», «деконструкцию» творчества классиков, что впоследствии станет концептуально-эстетическим фундаментом

постмодернизма. Изыскания Е.Г. Новиковой основаны на психологическом подходе. Исследователь считает, что Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова сближают испытания, пережитые ими, — каторга и эмиграция соответственно. Анализируя «Отчаяние» и «Просвечивающие предметы», она приходит к выводу о существовании специфического «дискурса Достоевского» в набоковском творчестве, общая направленность которого — преодоление отчаяния и онтологической трагедии с помощью искусства [Новикова, 2007]. По мнению Д.А. Бережного, своеобразие повествовательной манеры Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова проявляется «в организации “аутистического” нарратива», когда становится возможным совмещение внешнего и внутреннего, реального и фантастического миров. Ф.М. Достоевский выступил родоначальником аутистического повествовательного принципа, двигаясь по пути психологизации фантастического. В.В. Набоков перерабатывает художественно-психологические новации Ф.М. Достоевского, психологическая проза которого значительным образом сформировала его подход (организация текста на основе параноидальной (бредовой) системы определяет особенности психологического нарратива в романах «Защита Лужина», «Отчаяние», «Соглядатай») [Бережной, 2024]. Л.Ю. Стрельникова отмечает, что В.В. Набоков находился под влиянием западноевропейской культуры в большей степени, чем русской, и, «как все западное литературоведение, не смог понять всей духовно-православной глубины творчества и мировоззрения Достоевского» [Стрельникова, 2022, с. 20]. (Не смог или не хотел? Ведь В.В. Набоков, несмотря на свое «полуанглийское» детство, был все же русским человеком и не только американским, но и русским писателем, в творчестве которого, явно или неявно, обнаруживаются «ростки от корней» традиций русской литературы. Но эта тема требует отдельного подробного рассмотрения.)

Анализируя лекцию В.В. Набокова о Ф.М. Достоевском, С. Карлинский заметил, что «неожиданной оказалась не набоковская неприязнь к писателю <...> Неожиданным оказалось **глубокое знакомство Набокова с творчеством Достоевского** и проницательность его суждений» [Карлинский, 2000, с. 552]. В.В. Набоков не только был хорошо знаком с творчеством знаменитого предшественника, но и много о нем размышлял. А многочисленные негативные его заявления не стоит принимать безоговорочно, учитывая склонность автора к мистификациям и эпатажу, тем более

что некоторые из таких заявлений на поверку оказываются своей противоположностью. Подтверждение или опровержение следует искать в художественном творчестве писателя.

В «Лекциях по русской литературе» В.В. Набоков говорит, что страстно хочет «Достоевского развенчать» [Набоков, 2015, с. 142] и предлагает оценить «Преступление и наказание» с точки зрения эстетики: «перевешивает ли эстетическое наслаждение, которое вы испытываете, сопровождая Достоевского в его путешествиях в глубь больных душ, всегда ли оно перевешивает другие чувства — дрожь отвращения и нездоровый интерес к подробностям преступления? В других его романах равновесия между эстетическими достижениями и элементами уголовной хроники еще меньше» [Набоков, 2015, с. 152].

Ф.М. Достоевский зримо или незримо присутствует во многих произведениях В.В. Набокова, особенно ярко это присутствие обнаруживается в русских романах писателя. В романе «Защита Лужина» В.В. Набоков прямо упоминает Ф.М. Достоевского, которого герою запретил читать профессор, поскольку тот «производит гнетущее действие на психику современного человека» [Набоков, 1990, т. 2, с. 97]. И это не случайное и не единственное упоминание, можно заметить несколько точек соприкосновения романа с творчеством классика.

Во-первых, это тема игры (по мнению Н. Букс «на глобальном тематическом уровне “Защита Лужина”, роман об игроке, является пародией на “Игрока” Достоевского» [Букс, 1997, с. 530]). Во-вторых, «любовь» к психическим отклонениям (в книге «Владимир Набоков. Русские романы» Н. Букс отмечает, что «психические отклонения» описаны в романах «Машенька», «Дар», «Приглашение на казнь», «формируют художественную оптику» в романе «Король, дама, валет», а также «становятся темой и разворачиваются в сюжет» в «Соглядатае», «Волшебнике» и «Отчаянии» [Букс, 2019, с. 178, 180]). В.В. Набоков составил список психических отклонений, присущих героям романов Ф.М. Достоевского; подобный «список» можно составить из героев романов самого В.В. Набокова, и особенно показателен в этом отношении роман «Защита Лужина». В-третьих, самое явное в романе В.В. Набокова, что указывает на Ф.М. Достоевского (в частности, на «Преступление и наказание»), — главный герой Лужин. И дело не только в его фамилии, хотя о выборе фамилии стоит сказать несколько слов. Почему

В.В. Набоков из огромного количества возможных выбирает для своего героя фамилию персонажа романа, который он подверг жесткой критике, писателя, которого стремился «развенчать». (Как тут не вспомнить его обвинения в адрес Ф.М. Достоевского в ограниченном и примитивном выборе имен и фамилий для героев произведений.) О.А. Меерсон в статье «Набоков — апологет: Защита Лужина или Защита Достоевского?» анализирует причину, по которой В.В. Набоков выбрал именно такую фамилию Лужину, разбирает мотив «жениховства», «негероичность» как набоковского героя, так и Лужина из «Преступления и наказания», отмечает, что «достоевские» черты в Лужине сознательно задуманы В.В. Набоковым как положительные. В.В. Набоков, по мнению литературоведа, «в претензии к Достоевскому за то, что тот изменил своей достоевской сути: стремлению раскрыть “человека в человеке”» [Меерсон, 2007, с. 374]. Действительно, кажется парадоксальным, что Лужин — самый «не-достоевский» герой у Ф.М. Достоевского (самодовольный подлец, у которого отсутствуют столь свойственные героям Ф.М. Достоевского рефлексия и амбивалентность) оказывается самым «достоевским» героем у В.В. Набокова. Кроме того, герой этот не только и не столько карикатурен, сколько «положительно прекрасен», что позволяет провести параллель с еще одним романом Ф.М. Достоевского. В «Защите Лужина» мы наблюдаем превращение одного героя Ф.М. Достоевского (неудавшегося жениха из «Преступления и наказания» с фамилией Лужин) в другого (тоже неудачного жениха Мышкина из романа «Идиот»). Причем один, несмотря на фамилию, мало похож на набоковского Лужина, а второй, князь-идиот, очень напоминает гениального идиота-шахматиста Лужина из романа В.В. Набокова. Эти три героя (Лужин В.В. Набокова, Лужин Ф.М. Достоевского и Мышкин Ф.М. Достоевского) в романах выступают в роли женихов. Жених сестры Раскольников в «Преступлении и наказании» аккуратен, ухожен, всегда хорошо одет, к тому же он меркантилен и практичен, говорит штампами, что подчеркивает его неискренность. Набоковский же Лужин «неуклюж, неряшлив, некрасив» [Набоков, 1997, т. 1, с. 48] и косноязычен именно в своей искренности, подобно Мышкину и другим героям Ф.М. Достоевского, но и симпатичен благодаря этой искренности и косноязычию. Косноязычие демонстрирует и жених Дуни у Ф.М. Достоевского, произнося фразу: «Претендуя на счастье вашей руки, не могу в то же время принять на

себя обязательств несогласимых...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 230], но его косноязычие другого рода. Здесь Ф.М. Достоевский подчеркивает скорее неискренность казенно-бюрократической речи самодовольного героя. Нечто подобное говорит и Лужин В.В. Набокова, сватаясь к своей невесте: «Честь имею просить дать мне её руку» [Набоков, 1990, т. 2, с. 66]. Бюрократизмом пронизана первая часть фразы, обращенной к будущей жене: «Итак, продолжая вышесказанное, должен Вам объявить, что Вы будете моей супругой», но тут же добавляет: «Я Вас умоляю согласиться на это» [Набоков, 1990, т. 2, с. 58]. И это «я Вас умоляю» перечеркивает весь бюрократизм и вызывает сочувствие к неловкости героя. И если Лужин Ф.М. Достоевского неприятно косноязычен в своем эгоизме и самоуверенности, то Лужин В.В. Набокова трогательно косноязычен в неприспособленности к жизни и какой-то детской непосредственности, и здесь он больше напоминает другого жениха Ф.М. Достоевского, князя Мышкина (на сходство с героем романа «Идиот» указывают еще несколько деталей: «невозможным» женихом для своей дочери считала князя генеральша Епанчина, у В.В. Набокова «невероятного» жениха скрывала от своих знакомых будущая теща Лужина, считая «немыслимым» брак с «полунормальным нищим» [Набоков, 1990, т. 2, с. 90], потому что «умалишенным по закону запрещено жениться» [Набоков, 1990, т. 2, с. 74], о «прирожденной болезни», по которой он «даже совсем женщин не знает», говорит князь Мышкин (после чего Рогожин называет его юродивым, каких «бог любит!» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 14]); устами матери невесты Лужина В.В. Набоков называет своего героя «олухом» [Набоков, 1990, т. 2, с. 64], что является синонимом одного из значений слова «идиот»; сама теща Лужина напоминает генеральшу Епанчину своей способностью («весьма ценимой ею самой») «резать правду-матку» [Набоков, 1990, т. 2, с. 72]).

Необходимо отметить наличие творческого начала в набоковском Лужине и полное отсутствие такового у Лужина Ф.М. Достоевского. Дар (талант к игре в шахматы) набоковского героя противостоит абсолютной ничтожности Лужина из «Преступления и наказания» (для В.В. Набокова же человек, находящийся вне творчества, ущербен). Наделив своего героя «достоевскими» чертами, В.В. Набоков отдавал себе отчет в том, что «из всех русских книг “Защита Лужина” содержит и излучает наибольшую “теплоту”» и что «Лужина полюбили даже те, кто совсем не разбирается

в шахматах и (или) испытывает отвращение ко всем остальным моим книгам» [Набоков, 1997, с. 48].

Самой неожиданной кажется отсылка к «Преступлению и наказанию» в связи с образом невесты Лужина. Речь идет о «таинственной способности ее души воспринимать только то, что привлекало и мучило в детстве», способности ощущать жалость к несчастным существам, чувствовать, «как в какой-нибудь Сицилии грубо колотят тонконогого осленка с мохнатым брюхом», и если не помочь, «не пресечь чужой муки, сама она задохнется, умрет, не выдержит сердце» [Набоков, 1990, т. 2, с. 60]. Это заставляет вспомнить один из снов Родиона Раскольникова, повествующий о случае из детства, ставшем причиной психологической травмы героя. Только «бедная лошадка», избиваемая «тощая клячонка» [Достоевский, 1982, т. 5, с. 57–58] у В.В. Набокова превращается в «тонконогого осленка». Обостренно внимательный к эстетике формы В.В. Набоков сохранил оценочный суффикс существительного, пародийно снизив трагическую остроту. Сочувствие и жалость к несчастным существам часто движут поступками Раскольникова. «Постоянно предчувствуя новое увлечение или новую жалость», живет Лужина, без «мучительной нежной жалости» к избраннику, ей казалось, «не было бы и жизни» [Набоков, 1990, т. 2, с. 60, 87].

Как видим, в «Защите Лужина» художественный мир В.В. Набокова «пересекается» с творчеством Ф.М. Достоевского как минимум в трех плоскостях (тема игры, психиатрия как источник поэтики и образы героев).

Учитывая все вышесказанное, можно назвать роман В.В. Набокова полемичным и пародийным, но все же «про-достоевским» [Меерсон, 2007, с. 378], а если обратиться к истокам пародии и учесть, что первоначально пародировалось все самое священное, «в пародии лежит не передразнивание и не отсутствие, как кажется, содержания: в ней лежит усиленное содержание» [Фрейденберг, 2006, с. 239–240], то можно предположить, что интертекст является проявлением скрытой симпатии В.В. Набокова к поэтике Ф.М. Достоевского. И, перефразировав О.М. Фрейденберг, можно сказать, что смеется набоковская пародия не над Ф.М. Достоевским, а только над нами, «и так удачно, что до сих пор мы принимали ее за комедию, имитацию или сатиру» [Фрейденберг, 2006, с. 240].

Прямой реакцией на «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского исследователи считают «Отчаяние» В.В. Набокова.

Одним из первых о связи этого романа с произведениями классика заявил Ж.-П. Сартр: «Набоков открыто пользуется приемами Достоевского, но при этом осмеивает их прямо по ходу повествования, превращая в набор обветшалых и неминуемых штампов» [Сартр, 1997, с. 263]. В «Отчаянии» мрачному мыслителю и «неврастенику» Раскольникову противопоставляется лжемыслитель и «невротический негодяй» Герман Карлович. Сам В.В. Набоков говорил: «“Despair” — сродни остальным моим книгам — ничем не отвечает на социальные запросы современности, не содержит никакой истины, которую могла бы, виляя хвостом, донести до читателя. Не оказывает она и возвышающего действия на духовный орган человека, как и не указывает человечеству правый путь» [Набоков, 1997, с. 54]. И в этом высказывании понятен намек на творчество Ф.М. Достоевского.

В «Лекциях по русской литературе» В.В. Набоков говорит, что «Раскольников неизвестно почему убивает старуху-процентщицу и ее сестру» [Набоков, 2015, с. 142], то есть совершает бессмысленное убийство. Главное событие романа «Отчаяние» — еще более бессмысленное, даже нелепое убийство, а его герой внезапно сам осознает свое «карикатурное сходство с Раскольниковым» [Набоков, 1990, т. 3, с. 449]. С точки зрения В.В. Набокова, «герои Достоевского выбирают что-нибудь безумное, идиотское или пагубное — разрушение и смерть, лишь бы это был их собственный выбор. Это, между прочим, один из мотивов преступления Раскольникова». Но Раскольников убивает еще и для того, «чтобы доказать себе, что он не обыкновенный человек, подчиняющийся неизвестно кем выдуманным нравственным законам, а личность, способная создать свой собственный закон, выдержать всю тяжесть моральной ответственности, муки совести и во имя благой цели (помощь семье, собственное образование, которое позволит ему облагодетельствовать человечество) избирающая злодейские средства (убийство) без ущерба для душевного равновесия и достойной жизни» [Набоков, 2015, с. 159]. А для чего убивает герой В.В. Набокова? Самовлюбленный эгоист Герман пытается доказать окружающим свою неординарность, создать «шедевр», а заодно поправить свой «шоколадный бизнес». Оба героя самолюбивы и тщеславны, и вопрос материальной выгоды в обоих преступлениях не стоит на первом месте. Для Германа его преступление — произведение искусства и должно быть «оценено людьми», «авторские же, платимые стра-

ховым обществом, были в моем сознании делом второстепенным. О да, я был художник бескорыстный», — заявляет он [Набоков, 1990, т. 3, с. 441]. Чем не язвительная пародия на Раскольников: «И не деньги, главное, нужны мне были <...> мне надо было узнать <...> Тварь ли я дрожащая или *право* имею...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322].

Оба героя одержимы идеями-теориями, но если в основе теории Раскольникова — новый мировой порядок и счастье всех, то в основе идеи Германа — счастье только одного. И если Раскольников, высказывая идею о «двух разрядах» людей, еще сомневается и хочет проверить себя на «необыкновенность», то Герман является подтверждением этой идеи и убежден в том, что он «право имеет»: «О каком-либо раскаянии не может быть никакой речи, — художник не чувствует раскаяния, даже если его произведения не понижают» [Набоков, 1990, т. 3, с. 441]. Следует заметить, что «жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 417], не приходит и к герою Ф.М. Достоевского, страдания же его вызваны не осознанием ошибочности теории, а разочарованием в себе самом: другие «вынесли свои шаги, и потому *они правы*, а я не вынес и, стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 417]. В конце романа Герман рассуждает о возможности убийства обезьяны и «постепенном» переходе «границ, после которой софисту приходится худо» [Набоков, 1990, т. 3, с. 461], в чем угадывается намек на теорию Раскольникова.

Отстраненность В.В. Набокова, его насмешливая игра с читателем (в отличие от вовлеченности и серьезной дидактичности Ф.М. Достоевского) позволяют отделить авторскую позицию от голоса персонажа. Герман видит себя «гениальным изобретателем»: «Да что Дойл, Достоевский, Леблан, Уоллес, что все великие романисты, писавшие о ловких преступниках, что все великие преступники, не читавшие ловких романистов! Все они невежды по сравнению со мной» [Набоков, 1990, т. 3, с. 406], — и не может отказать себе в удовольствии поиздеваться над Ф.М. Достоевским. Но в следующей фразе не только демонстрирует сомнительное чувство юмора, а раскрывается как невнимательный и поверхностный читатель: «Никаких, господа, сочувственных вздохов. Стоп, жалость. Я не принимаю вашего соболезнования, — а среди вас наверное найдутся такие, что пожалеют меня — непонятого поэта. “Дым, туман,

струна дрожит в тумане”. Это не стишок, это из романа Достоевского “Кровь и Слюни”. Пардон. “Шульд унд Зюне”» [Набоков, 1990, т. 3, с. 440–441] (неточная фраза из романа Ф.М. Достоевского, которую Порфирий Петрович позаимствовал у гоголевского персонажа).

Рассказывая о беседе с Феликсом, Герман внезапно ловит себя на невольном подражании Ф.М. Достоевскому и потому язвительно замечает: «Что-то уж слишком литературен наш разговор, смахивает на застеночные беседы в бутафорских кабаках имени Достоевского: еще немного, и появится “сударь”, даже в квадрате: “сударь-с”, — знакомый взволнованный говорок; “и уже непременно, непременно...”, а там и весь мистический гарнир нашего отечественного Пинкертона» [Набоков, 1990, т. 3, с. 386].

Карикатурное сходство героя «Отчаяния» с Родионом Романовичем очевидно. И Раскольников, и Германа к преступлению подводит некая таинственная случайность. Первого — подслушанный трактирный разговор, второго — вдруг явившееся «чудо» (мнимый двойник). Оба тщательно планируют свое «предприятие», свою «безобразную мечту», но воплощение задуманного становится ужасной пародией на стройный план идеального преступления. Следует все же заметить, что в романе В.В. Набокова убийца становится хладнокровнее и безумнее в своем расчете. Не случайно внешне Герман напоминает Петра Петровича Лужина — одного из двойников главного героя «Преступления и наказания», роль которого в романе — интеллектуальное снижение идеи Раскольникова.

В качестве предупреждения героям посылаются сны, которые помогают раскрыть особенности личности. Сны Раскольникова указывают на такие его качества, которые должны были бы удерживать от преступления. Германа несколько лет преследует один и тот же странный сон об ужасно пугающей его «пустой, голой, заново выбеленной комнате». И он задается вопросом: «Были ли у меня в то время какие-либо преступные, в кавычках, задатки? Таила ли моя, с виду серая молодость возможность гениального беззакония? Или может быть я все шел по тому обыкновенному коридору, который мне снился, вскрикивая от ужаса, найдя комнату пустой». Хочется добавить — без цели и без смысла. Но в «незабвенный» день в этой комнате появился двойник — появился смысл и цель никчемной серой жизни Германа: «Тогда оправдалось все: и стремление мое к этой двери, и странные игры, и бесцельная до тех пор склонность

к ненасытной, кропотливой лжи. Герман нашел себя» [Набоков, 1990, т. 3, с. 360–361].

Еще один сон Германа — кошмар о беленькой «лже-собачке, маленькой, с черными глазками жучьей личинки». (Между прочим, этот сон с тройным пробуждением заставляет вспомнить еще одного героя Ф.М. Достоевского, Свидригайлова, с его тройным кошмаром в ночь перед самоубийством [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 390–393], что не может быть случайным совпадением, а подчеркивает отличное знание В.В. Набоковым текстов знаменитого предшественника.) Это подобие собачки, эта «гнусная мимикрия» должна была заставить героя отказаться от задуманного. Герман понимает свой сон как совет судьбы: «Я чувствовал себя по-детски свежим после недолгого сна, душа моя была как бы промыта, <...> щедрый остаток жизни мог быть посвящен кое-чему другому, нежели мерзкой мечте» [Набоков, 1990, т. 3, с. 392]. Странно звучат подобные слова в устах прагматичного Германа, они скорее свойственны вечно рефлексующим героям Ф.М. Достоевского (в чем также усматривается пародия на Раскольникова). Он сбегает из номера, где ночует вместе с жертвой — Феликсом, решив навсегда забыть «двойника», но только на время отступает от своего плана. Воспринимая знаки, высокомерный разум Германа не позволяет герою прислушаться к ним, полностью полагаясь на свое превосходство, что и приводит героя к полному краху (как творческому, так и человеческому). Самого Германа можно назвать пародийно-сниженной трансформацией Раскольникова, его «гнусной мимикрией».

Трансформации подвергаются и другие персонажи романа Ф.М. Достоевского. Так, по мнению С.А. Ильина, кроткая и верная Сонечка Мармеладова превращается у Набокова в «глупую, но симпатичную» жену Германа Лиду, которая, по мнению главного героя, «любила без оговорки и без оглядок, с какой-то естественной преданностью» [Набоков, 1990, т. 3, с. 348]. Мармеладов трансформируется в «добродушного и бездарного художника Ардалиона», который находится на содержании Лиды, как Мармеладов на попечении Сони. Роль следователя Порфирия Петровича у Набокова отведена случайному соседу по гостинице, в которой скрывается после преступления Герман, безымянному и услужливому доктору. Его назойливое участие и «неумышленные разглагольствования» (как долгие разговоры и душеспасительные беседы Порфирия) приводят Германа к мысли о разоблачении.

Как Раскольников разочаровывается в себе, своей способности «переступить», быть тем, «кто право имеет», так Герман приходит к разочарованию в «дивном своем произведении» и в собственной гениальности: «Да, я усомнился во всем, усомнился в главном, — и понял, что весь небольшой остаток жизни будет посвящен одной лишь бесплодной борьбе с этим сомнением» [Набоков, 1990, т. 3, с. 457].

Состояние отчаяния, охватившее обоих героев, сменяется в них усталостью и желанием, чтобы «все скорее закончилось». Но если для Раскольникова еще существует возможность воскрешения — «человека в человеке» смогли увидеть Соня, Разумихин и даже следователь Порфирий, его искренне любят Дуня и Пульхерия Александровна, в финале его воскрешает любовь, символизирующая возвращение к людям, то для Германа эта возможность исключена, ибо никто не способен увидеть человека в этом существе, которое в финале уже само ощущает себя зверем: «Хорошо по крайней мере, что **затравили** так скоро» [Набоков, 1990, т. 3, с. 462]. Потому настроение всего романа определено одним чувством, которое вынесено и автором, и самим героем в заглавие — «Отчаяние». (О связи романа с другими произведениями Ф.М. Достоевского говорилось в статьях «Ф.М. Достоевский в романе В.В. Набокова “Отчаяние”» [Зайцева, 2017] и «Двойничество в творчестве Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова» [Зайцева, 2022].)

Таким образом, учитывая сходство и различие героев Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова, рискнем назвать Германа неким «западным» вариантом Раскольникова, лишенным приверженности «Большим идеям» и «загадочной» русской души.

Метод фантастического реализма, истоки которого следует искать у Ф.М. Достоевского, с нашей точки зрения, иллюстрирует роман «Приглашение на казнь», который полон отсылок к Ф.М. Достоевскому. Тема преступления и наказания в романе В.В. Набокова как бы перевернута. Если у Ф.М. Достоевского герой бросает вызов себе и обществу, совершая страшный, бесчеловечный поступок, за который несет наказание, то у В.В. Набокова порочное общество уничтожает личность, совершая бесчеловечное преступление. А само заглавие, «Приглашение на казнь», не просто перекликается с «Преступлением и наказанием», а, возможно, и указывает на «перевернутость». Не таким, как большинство, считает себя главный герой Ф.М. Достоевского, особенным является герой В.В. Набо-

кова, приговоренный к отсечению головы за эту «особость», за непрозрачность. По мнению Л.Н. Целковой, оба героя находятся в конфликте с окружающим миром, а трагедия Раскольникова отражается «в перевернутом виде в трагедии Цинцинната Ц.» [Целкова, 2011, с. 148]. Если Раскольников пытается доказать себе и миру собственную избранность, то Цинциннат Ц., напротив, скрывает свою непохожесть, поскольку рожден особенным.

Цинциннат Ц. окружен карикатурными героями, тюремными начальниками, которым В.В. Набоков дает имена, заставляющие вспомнить героя Ф.М. Достоевского Родиона Романовича Раскольникова: Родион (тюремщик), Роман Виссарионович (адвокат), Родриг Иванович (директор тюрьмы). Узника ублажает администрация тюрьмы, obsлуга в остроге показательно любезна, что снова напоминает роман Ф.М. Достоевского, в котором обходительный и любезный следователь Порфирий Петрович до поры до времени позволял «наслаждаться» свободой студенту Раскольникову. Дирекция каземата желает, чтобы осужденный побратался со своим палачом, палач и жертва соединились. Ситуация, в которой палач — антагонист и союзник, наблюдается в романе Ф.М. Достоевского, где Порфирий Петрович выступает своеобразным двойником Родиона Раскольникова (честолюбивые и смелые идеи когда-то были знакомы и его сердцу: слишком уж хорошо он понимает и чувствует дерзкого экспериментатора-студента («мне все эти ощущения знакомы, и статейку вашу я прочитал как знакомую. В бессонные ночи и в иступлении она замышлялась, с подыманием и стуканьем сердца, с энтузиазмом подавленным» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 345]), а позднее признается Раскольникову: «Я поконченный человек, больше ничего. Человек, пожалуй, чувствующий и сочувствующий, пожалуй, кой-что и знающий, но уж совершенно поконченный. А вы — другая статья: вам Бог жизнь приготовил (а кто знает, может, и у вас так только дымом пройдет, ничего не будет)» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 352])).

Мотив публичной казни выбран В.В. Набоковым не случайно. Известно, что к казни Ф.М. Достоевского был причастен предок В.В. Набокова генерал И. Набоков, бывший комендантом Петропавловской крепости, куда был заключен проходивший по делу петрашевцев Ф.М. Достоевский. Об этом В.В. Набоков говорил в своей лекции о Ф.М. Достоевском [Набоков, 2015, с. 144–145].

В «Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского» упоминается, что проект приговора предусматривал «маршрут из крепости на место казни, размеры эшафота, мундиры казнимых, облачение священника, темы барабанного боя, преломление шпаг над осужденными и облачение их в белые рубахи, функции палача, заковка в кандалы» [Летопись, 1999, с. 174]. В «Приглашении на казнь» на это указывают некоторые «официальные формы, которые надо соблюдать»: духовой оркестр и экипаж, который должен отвезти узника на Интересную площадь, «руководитель казни — в красных лосинах» [Набоков, 1990, т. 4, с. 102].

Кляча, везущая Цинцинната на казнь, очень похожа на лошадь из романа «Преступление и наказание», которую видел во сне Родион Раскольников. Это «была <...> гнедая кляча, оскаленная, с блестящими, черными от мух ссадинами на острых выступах бедер <...>. У нее была красная лента в гриве, <...> Родриг, который был за кучера, хлопнул длинным бичом, лошадь дернула, не сразу могла взять и осела задом. Некстати раздалось нестройное ура служащих. Приподнявшись и наклонившись вперед, Родриг стегнул повскинутой морде» [Набоков, 1990, т. 4, с. 124]. У Ф.М. Достоевского: «Все лезут в Миколкину телегу <...>. Берут с собою одну бабу, толстую и румяную. Она в кумачах <...> клячонка дергает изо всей силы, но <...> только семенит ногами, кряхтит и приседает от ударов» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 47]. «По морде ее, по глазам хлещи, по глазам! — кричит Миколка» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 48], вместо «ура» все подхватывают песню, кляча после очередного удара «оседает всем задом». И даже масть «гнедой клячи» В.В. Набокова идентична «саврасой клячонке» Ф.М. Достоевского (согласно словарям, «саврасая» — «светло-гнедая», и та, и другая обычно с черным хвостом и черной гривой).

В.В. Набоков иронично обыгрывает часто используемый Ф.М. Достоевским эпитет «кроткий» (который был одной из характеристик Сони Мармеладовой и дал название одной из повестей Ф.М. Достоевского). На стенах камеры Цинцинната написаны правила для заключенных, одно из которых гласит: «Кротость узника есть украшение темницы» [Набоков, 1990, т. 4, с. 27], назван «кротким» даже м-сье Пьер. В одной из финальных глав романа главный палач, тот самый м-сье Пьер, вдруг оказывается Петром Петровичем (как тут не вспомнить персонажей Ф.М. Достоевского: Петра Петровича Лужина и следователя Порфирия Петровича).

В «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевский представляет целую систему двойников главного героя, каждый из которых является отражением какой-то из сторон личности Родиона Раскольникова. В «Приглашении на казнь» идея двойничества реализуется с помощью маски. «Адвокат и прокурор, оба крашенные и очень похожие друг на друга (закон требовал, чтобы они были единоутробными братьями <...>)» [Набоков, 1990, т. 4, с. 11], являются масками-двойниками. Роман Виссарионович с Родригом Ивановичем, выступающие в роли шутовской пары, превращаются в помощников палача мсье Пьера «двух плюгавых с виду молодцев» Родю и Рому [Набоков, 1990, т. 4, с. 120], а в финале романа сливаются в одно лицо («его догнал во много раз уменьшившийся Роман, он же Родриг») [Набоков, 1990, т. 4, с. 129]. Двойничество «голядкинского» типа переживает Цинциннат. В покорном плотском узнике живет его мятежный духовный двойник, «внутренний человек», «призрак» Цинцинната, «призрак, сопровождающий каждого из нас — и тебя, и меня, и вот его, — делающий то, что в данное мгновение хотелось бы сделать, а нельзя...» [Набоков, 1990, т. 4, с. 13]. В конце романа, в момент казни, это раздвоение достигает крайней черты, когда «один Цинциннат считал, а другой Цинциннат уже перестал слушать удаляющийся звон ненужного счета <...> — и подумал: Зачем я тут? Отчего так лежу? — и, задав себе этот простой вопрос, он отвечал тем, что привстал и осмотрелся» [Набоков, 1990, т. 4, с. 129]. Духовная сущность Цинцинната превалирует над его плотской сущностью. И Цинциннат уходит в сторону подобных себе существ, а оставшийся за его спиной картонный мир «падших вещей» рассыпается. (О «пересечениях» «Приглашения на казнь» с творчеством Ф.М. Достоевского, в частности с «Двойником», подробно говорилось в статьях «Двойничество в творчестве Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова» и «Ф.М. Достоевский в романе В.В. Набокова "Приглашение на казнь"» [Зайцева, 2018].)

По мнению Л.Н. Целковой, роман «Приглашение на казнь» представляет собой «развернутый художественно-философский образ», в котором выражено творческое и жизненное кредо писателя, «его представление о смысле жизни» [Целкова, 2011, с. 160]. (И эти представления у В.В. Набокова и Ф.М. Достоевского не совпадают.)

«Усмешечка из Достоевского» мелькает и в романе В.В. Набокова «Лолита». По мнению С.А. Ильина, пародийное передразнивание, игра «в Ф.М. Достоевского» превращают «Лолиту» в травестийно

перевернутое «Преступление и наказание», в американский вояж Свидригайлова. И если обратиться к женским образам романа, то можно заметить точки соприкосновения у Лолиты с Соней. У одной из них гибнет отец, у другой — мать. Причина смерти — несчастный случай: Мармеладов попадает под коляску, запряженную лошадьми, а Шарлотта — под современную коляску, автомобиль. Эти события становятся ключевыми для героев Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова (после них Раскольников с Соней и Гумберт с Лолитой соединены навеки). Внешне худенькая, бледная, почти девочка, восемнадцатилетняя Соня напоминает Лолиту. А статус проститутки вспоминается, когда Лолита выпрашивает деньги у Гумберта, «проститутка Соня высвечивается в познающей свою женскую природу Лолите» [Ильин, 2009, с. 85]. Трансформация же очаровательной нимфетки Лолиты в «откровенно и неимоверно брюхатую» миссис Ричард Ф. Скиллер пародирует бестелесность и призрачность Сони.

В романе пародируется трагический пафос «Преступления и наказания», о чем пишет Л.Н. Целкова: «Набоков нарочито снижает, “уменьшает” грандиозность такого рода преступлений, какие с мучительной болью изображает Достоевский» [Целкова, 2011, с. 208]. И с этим трудно не согласиться.

В.В. Набоков настойчиво возвращается к Ф.М. Достоевскому: в своих лекциях, докладах, в своих романах. Возможно, чувствуя: в других мы способны понять лишь то, что есть в нас самих. Стоит, однако, отметить, что отношение его к Ф.М. Достоевскому не всегда было однозначным. Оно менялось на протяжении жизни: от восхищения писателем в подростковом возрасте («Мне было двенадцать лет, когда сорок пять лет тому назад я впервые прочел “Преступление и наказание” и решил, что это могучая и волнующая книга» [Набоков, 2015, с. 156]) и критического отношения к его творчеству в юношеские годы («Я перечитал ее, когда мне было 19, в кошмарные годы Гражданской войны в России, и понял, что она затянута, нестерпимо сентиментальна и дурно написана» [Набоков, 2015, с. 156]) до полемики с классиком и пародирования его в зрелые годы творчества. Страстное желание «Достоевского развенчать» амбивалентно у В.В. Набокова: несмотря на изначально пренебрежительную позицию при анализе творчества классика он восхищается отдельными гранями художественного мира Ф.М. Достоевского («замечательное чувство смешного»,

тема двойничества и т.д.), показывает глубокое знание текстов и делает оригинальные наблюдения над его творческой манерой. В.В. Набоков как писатель развивался в контексте литературной традиции XIX века, поэтому влияние Ф.М. Достоевского на него неизбежно и, стоит отметить, продуктивно. Это касается как поэтики, так и основ эстетики. В.В. Набоков имплицитно ориентирован на экзистенциалистско-философскую традицию русской литературы (в которой актуализированы «вечные вопросы»: личного бессмертия, своеобразия личности в контексте эпохи и общества, природы жизни и смерти, роли любви и красоты, преображения духа и т.д.), ярчайший представитель которой — Ф.М. Достоевский. Помимо философско-эстетического фундамента, ориентированного на Ф.М. Достоевского, В.В. Набоков связан с ним творческим методом (магическим реализмом), который обращает пристальное внимание на излюбленную набоковскую тему потусторонности и инобытия. Пересечения затрагивают как мировоззрение писателей (внимание к напряжённому повествованию, роль эротики в нарративе, сложный психологизм обоих писателей), так и область поэтики (идентичные системы образов, установка на цитатность, своеобразный юмор, сложная структура повествования, в центре которой — ненадёжный рассказчик, мотив болезни, детективная фабула и т.д.). Однако В.В. Набоков также впитал модернистские идеи Серебряного века и стоял у истоков постмодернизма, что не могло не отразиться в его мировоззрении и творчестве.

Список литературы

1. Бережнов, 2024 — *Бережнов Д.А.* Принципы и формы изображения внутренней жизни в прозе В.В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 205 с.
2. Бойд, 2010 — *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы: Биография / пер. с англ. СПб.: Симпозиум, 2010. 696 с.
3. Букс, 1997 — *Букс Н.* Двое игроков за одной доской: Вл. Набоков и Я. Кавабата // Pro et contra: в 2 т. СПб.: РХГИ, 1997. Т.1. С.523–535.
4. Букс, 2019 — *Букс Н.* Владимир Набоков. Русские романы. М.: АСТ, 2019. 488 с.
5. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Егорова, 2012 — *Егорова Е.В.* Поэтика ранней прозы Ф.М. Достоевского в художественной рецепции В.В. Набокова (на примере повестей «Двойник», «Хозяйка», «Белые ночи»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 18 с.
7. Зайцева, 2017 — *Зайцева Е.В.* Ф.М. Достоевский в романе В.В. Набокова «Отчаяние» // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2017. № 4 (28). С. 127–135.

8. Зайцева, 2018 — *Зайцева Е.В.* Ф.М. Достоевский в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь» // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2018. С. 161–165.
9. Зайцева, 2022 — *Зайцева Е.В.* Двойничество в творчестве Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2022. № 15 (39). С. 151–160.
10. Зверев, 2016 — *Зверев А.М.* Набоков. М.: Молодая гвардия, 2016. 475 с.
11. Ильин, 2009 — *Ильин С.А.* «Усмешка из Достоевского»: Гумберт и Раскольников // Вестник ЛНУ им. Т. Шевченко. Филологические науки. 2009. № 1. С. 79–86.
12. Карлинский, 2000 — *Карлинский С.* Лекции Набокова по русской литературе // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 549–554.
13. Летопись, 1999 — Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. 1821–1881 / под ред. Н.Ф. Будановой и Г.М. Фридлендера. СПб.: Академический проект, 1999. Т.1. 543 с.
14. Меерсон, 2007 — *Меерсон О.А.* Набоков-апологет: Защита Лужина или защита Достоевского? // Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 358–382.
15. Набоков, 1990 — *Набоков В.В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990.
16. Набоков, 1997 — *Набоков В.В.*: Pro et contra: в 2 т. СПб.: РХГИ, 1997. Т. 1. 960 с.
17. Набоков, 2015 — *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе / пер. с англ. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.
18. Новикова, 2007 — *Новикова Е.Г.* В.В. Набоков и Ф.М. Достоевский: дискурс «личного отчаяния» // Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 347–357.
19. Сартр, 1997 — *Сартр Ж.-П.* Владимир Набоков. «Отчаяние» // В.В. Набоков: Pro et contra: в 2 т. СПб.: РХГИ, 1997. Т. 1. С. 262–264.
20. Стрельникова, 2022 — *Стрельникова Л.Ю.* В.В. Набоков о Ф.М. Достоевском: западный взгляд на русскую литературу // Духовно-нравственные основы русской литературы. Сборник научных статей. Кострома, 2022. Вып. VIII. С. 18–21.
21. Фрейденберг, 2006 — *Фрейденберг О.М.* Идея пародии (набросок к работе) // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2006. Вып. 17. С. 228–240.
22. Целкова, 2011 — *Целкова Л.Н.* Романы Владимира Набокова и русская литературная традиция. М.: Русское слово — учебник, 2011. 232 с.: ил.
23. Шаховская, 1991 — *Шаховская З.А.* В поисках Набокова: Отражения. М.: Книга, 1991. 319 с.

References

1. Berezhnov, D.A. *Printsipy i formy izobrazheniia vnutrennei zhizni v proze V.V. Nabokova* [*Principles and Forms of Portrayal of Inner Life in V.V. Nabokov's Prose: PhD Summary*]. Moscow, 2024. 205 p. (In Russ.)

2. Boyd, Brian. *Vladimir Nabokov: russkie gody: Biografiia* [*Vladimir Nabokov: The Russian Years: A Biography*]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2010. 696 p. (In Russ.)
3. Buks, N. "Dvoe igrokov za odnoi doskoi: Vl. Nabokov i Ia. Kavabata" ["Two Players at the Same Board: V. Nabokov and Ya. Kawabata"]. *Pro et contra: v 2 tomakh* [*Pro et Contra: in 2 vols*], vol. 1. St. Petersburg, RKHGI Publ., 1997, pp. 523–535. (In Russ.)
4. Buks, N. *Vladimir Nabokov. Russkie romany* [*Vladimir Nabokov. Russian Romances*]. Moscow, AST Publ., 2019. 488 p. (In Russ.)
5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Egorova, E.V. *Poetika rannei prozy F.M. Dostoevskogo v khudozhestvennoi retseptsii V.V. Nabokova (na primere povestei "Dvoinik", "Khoziaika", "Belye nochi")* [*The Poetics of Fyodor Dostoevsky's Early Prose in the Artistic Reception of Vladimir Nabokov (On the Example of the Novels The Double, The Hostess, White Nights): PhD Summary*]. Moscow, 2012. 18 p. (In Russ.)
7. Zaitseva, E.V. "F.M. Dostoevskii v romane V.V. Nabokova 'Otchaianie'" ["Fyodor Dostoevsky in Vladimir Nabokov's Novel *Despair*"]. *Vostochnoslavianskaia filologiiia. Literaturovedenie*, no. 4 (28), 2017, pp. 127–135. (In Russ.)
8. Zaitseva, E.V. "F.M. Dostoevskii v romane V.V. Nabokova 'Priglasenie na kazn'" ["Fyodor Dostoevsky in Vladimir Nabokov's Novel *Invitation to Execution*"]. *Fenomen rodnogo iazyka: kommunikativno-lingvisticheskii, sociokul'turnyi, filosofskii i psikhologicheskii aspekty* [*The Phenomenon of Mother Tongue: Communication, Linguistic, Sociocultural, Philosophic and Psychologic Aspects*]. Vitebsk, Vitebskii gos. un-t im. P.M. Masherova Publ., 2018, pp. 161–165. (In Russ.)
9. Zaitseva, E.V. "Dvoinichestvo v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i V.V. Nabokova" ["Duality in the Works of Fyodor Dostoevsky and Vladimir Nabokov"]. *Vostochnoslavianskaia filologiiia. Literaturovedenie*, no. 15 (39), 2022, pp. 151–160. (In Russ.)
10. Zverev, A.M. *Nabokov* [*Nabokov*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2016. 475 p. (In Russ.)
11. Il'in, S.A. "Usmeshchka iz Dostoevskogo: Gumbert i Raskol'nikov" ["A Smile from Dostoevsky: Humbert and Raskolnikov"]. *Vestnik LNU im. T. Shevchenko. Filologicheskie nauki*, no. 1, 2009, pp. 79–86. (In Russ.)
12. Karlinskii, S. "Lektsii Nabokova po russkoi literature" ["Nabokov's Lectures on Russian Literature"]. *Klassik bez retushi. Literaturnyi mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzvyi, esse, parodii* [*Classic without Retouching. The Literary World about the Work of Vladimir Nabokov: Critical Reviews, Essays, Parodies*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000, pp. 549–554. (In Russ.)
13. Budanova, N.F., and G.M. Fridlender, eds. *Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo: v 3-kh tomakh. 1821–1881* [*Chronicle of the Life and Work of F.M. Dostoevsky: in 3 volumes. 1821–1881*], vol. 1. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 543 p. (In Russ.)
14. Meerson, O.A. "Nabokov-apologet: Zashchita Luzhina ili zashchita Dostoevskogo?" ["Nabokov the Apologist: The Defense of Luzhin or the Defense of Dostoevsky?"]. Kasatkina, T.A., editor. *Dostoevskii i XX vek: v 2-kh tomakh* [*Dostoevsky and the 20th Century: in 2 vols*], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 358–382. (In Russ.)
15. Nabokov, V.V. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [*Collected Works: in 4 vols*]. Moscow, Pravda Publ., 1990. (In Russ.)
16. Nabokov, V.V. *Nabokov: Pro et contra: v 2 tomakh* [*Nabokov: Pro et Contra: in 2 tomakh*], vol. 1, St. Petersburg, RHKhI Publ., 1997. 960 p. (In Russ.)

17. Nabokov, V.V. *Lektsii po russkoi literature* [*Lectures on Russian Literature*]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, Publ, 2015. 384 p. (In Russ.)
18. Novikova, E.G. "V.V. Nabokov i F.M. Dostoevskii: diskurs 'lichnogo otchaianiia'" ["Vladimir Nabokov and Fyodor Dostoevsky: The Discourse of 'Personal Despair'"]. Kasatkina, T.A., editor. *Dostoevskii i XX vek: v 2-kh tomakh* [*Dostoevsky and the 20th Century: in 2 vols*], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 347–357. (In Russ.)
19. Sartre, Jean-Paul. "Vladimir Nabokov. 'Otchaianie'" ["Vladimir Nabokov. *Despair*"]. V.V. Nabokov: *Pro et contra: v 2 tomakh* [*Nabokov: Pro and Contra: in 2 vols*], vol. 1. St. Petersburg, RkhI Publ., 1997, pp. 262–264. (In Russ.)
20. Strel'nikova, L.Iu. "V.V. Nabokov o F.M. Dostoevskom: zapadnyi vzgliad na russkuiu literaturu" ["Vladimir Nabokov on Fyodor Dostoevsky: A Western View of Russian Literature"]. *Dukhovno-nravstvennye osnovy russkoi literatury. Sbornik nauchnykh statei* [*Spiritual and Moral Basis of Russian Literature. Collected Articles*], issue VIII. Kostroma, 2022, pp. 18–21. (In Russ.)
21. Freidenberg, O.M. "Ideia parodii (nabrosok k rabote)" ["The Idea of a Parody (Sketch for the Work)"]. *Veche. Zhurnal russkoj filosofii i kul'tury*, issue 17, 2006, pp. 228–240. (In Russ.)
22. Tselkova, L.N. *Romany Vladimira Nabokova i russkaia literaturnaia traditsiia* [*Vladimir Nabokov's Novels and the Russian Literary Tradition*]. Moscow, OOO "Russkoe slovo – uchebник" Publ., 2011. 232 p.: il. (In Russ.)
23. Shakhovskaia, Z.A. *V poiskakh Nabokova: Otrazheniia* [*In Search of Nabokov: Reflections*]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 319 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 27.09.2024
Одобрена после рецензирования: 15.12.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 27 Sept. 2024
Approved after reviewing: 15 Dec. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2025